

15. Eemeren, F.H. van. Argumentative indicators in discourse: a pragma-dialectical study / F.H. van Eemeren, P. Houtlosser, A.F. Snoeck Henkemans. Dordrecht: Springer, 2007. 233 p.

16. Handbook of argumentation theory / F. H. van Eemeren [et al.]. Dordrecht: Springer, 2014. 988 p.

17. Tindale, C.W. Rhetorical argumentation: principles of theory and practice / C.W. Tindale. Thousand Oaks: Sage, 2004. 208 p.

18. The Language of Argumentation / R. Boogaart, H. Jansen, M. van Leeuwen (eds.). Dordrecht: Springer, 2021. 323 p.

19. Wenzel, J.W. The rhetorical view of argumentation: exploring a paradigm / J.W. Wenzel // Argumentation. 1987. Vol. 1, № 1. P. 73–88.

20. Zompetti, J.P. The value of topoi / J.P. Zompetti // Argumentation. 2006. Vol. 20, № 1. P. 15–28.

УДК 811.161.3'373:165.62

ОПЫТ ПОЗНАЮЩЕГО СОЗНАНИЯ И ДИСКУРСИВНОСТЬ

В.И. Сенкевич

г. Брест, Республика Беларусь

Аннотация: В гуманитарной области бытующие институты и существующие институты знания уступают место парадоксальному опыту познания очевидной реальности, осуществляемому искусством. Этот недискурсивный опыт не имеет выхода в сферу языковых форм и парадигм, однако получает логистическое воплощение в слове, звучащем в режиме реального времени. Познать мотивы и рефлексы неоцененного опыта встречи человека с подлинной реальностью, воплощенной в живом слове – задача феноменологической лингвистики. В статье затрагивается проблема ортодоксальной несостоятельности традиционного языкознания при осмыслении языковых сущностей. Феноменология прокладывает антиномичный путь изучения языка, дополняя существующие парадигмы анализа характерными для нее принципами.

Ключевые слова: феноменология, антиномичность, недискурсивное познание, логос, агрегатные состояния логоса

EXPERIENCE OF COGNITIVE CONSCIOUSNESS AND DISCOURSE

V. I. Senkevich

Brest, Republic Belarus

In humanitarian field, conventional institutions and existing institutes of knowledge give place to paradoxical experience of knowing the

obvious reality by means of art. This non-discursive experience does not have access to the sphere of linguistic forms and paradigms, however, it receives a logistic embodiment in a word that sounds in real time. It is the task of phenomenological linguistics to learn the motives and reflexes of the invaluable experience of a person's meeting with the true reality embodied in a living word. The article addresses the issue of the orthodox inconsistency of traditional linguistics in understanding linguistic essences. Phenomenology paves antinomical way for studying the language, supplementing the existing paradigms of analysis with its characteristic principles.

Key words: phenomenology, antinomy, non-discursive cognition, logos, aggregate states of logos

Введение. В современных исследованиях языка все чаще высказывается мнение о необходимости смены научной парадигмы в области гуманитарного знания. «Не приходится сомневаться, что традиционная лингвистика как наука находится в состоянии глубокого системного кризиса, симптомы которого налицо» [5, с. 54]. Актуально существующие парадигмы исследования языка не могут заслонить факта непонимания современной лингвистикой того, что язык не только явление социальной жизни, но еще и феномен, возвышающий человека над его биологической природой.

Цели и задачи. Цель статьи – наметить перспективы феноменологического подхода в языкознании в свете антиномии «дискурс (vs логос)». Задачи: 1) описать феномен недискурсивности и 2) охарактеризовать воплощение в языке трех недискурсивных агрегатных состояний логоса.

Методы и материал исследования. Реализованный нами метод представляет собой путь постижения сущности путем негации. Его называют «антиномическим» (философия), «апофатическим» (теология); ср.: «ученое незнание» (Н. Кузанский). Выведение познаваемого из сферы явлений и позитивных определений («заклучение его в скобки») благоприятствует проникновению в сущность вещей. То, что *есть* (essentia), противопоставляется всему остальному – *существующему* (existentia). На пути подобной «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль) обнаруживаются «несуществующие сущности» (феномены), несомненные и реальные для познающего [8]. Материалом исследования послужили научные источники, раскрывающие феноменологический подход к изучению языка.

1.1. Нельзя не признать, что слово «дискурс» в современном языкознании становится чуть ли не словом-паразитом. Складывается впечатление, что, кроме дискурса и дискурсивного анализа, в языке больше ничего нет. Современное языкознание «топчется» на тезисе (А), не в состоянии перейти к антитезису (не-А) – недискурсивности. Сущность недискурсивности постигается в антиномии «дискурс (vs логос)». Дискурсу противопоставляется логос – «лозунг, зовущий вернуться от схоластики и отвлеченности к жизни и, не насилая жизнь схемами, а, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла» [9, с. 3]. В широком

смысле логос – разумный принцип устройства всего. Этот принцип обнаруживается в словесности, т.е. в воплощенном в слове творчестве. Как только появляется «орг» (организация вместо устройства), «логия» (слово) подменяется «ургией» (делом).

Есть три агрегатных состояния логоса: 1) состояние по глаголу *думать-гадать*, 2) состояния по глаголу *говорить-слушать* и 3) состояние по глаголу *писать-читать*. Осмысление названных логистических состояний нуждается в неспецифической методологии. Такой методологией для языкознания становится феноменология, которая со времен Э. Гуссерля оправданно претендует на методологию гуманитарных наук. Феноменологический подход, ориентированный на «живое слово живого человека» (по М. Бахтину), делает языкознание реальным.

Феноменология – идеалистическое учение. Как известно, идеализм отдает предпочтение сознанию, утверждает первичность идеального. Знамательно, что термин *идеализм* созвучен со словом *идеал*. Под последним подразумевают некоторое образцовое состояние, к которому стремятся. На познание интенциональных состояний сознания человека и ориентирована феноменология. За скобки выносятся деятельность – проявленная (позитивная) активность – и материально данная действительность.

Первая часть слова *феноменология* – *фен-* – означает ‘свет’. Это неотраженный свет разума (сознания). Он востребован в ситуации, когда ничего никому не надо объяснять, однако есть необходимость «пролить свет» на какое-то состояние («осветить вопрос»), рассмотреть что-либо «в свете» чего-то другого.

В начале XX в. русский философ А.Ф. Лосев писал о состоянии современного ему языкознания следующее: «Русское языкознание влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма и сенсуализма» [...]. Приходится поражаться той безграмотностью, наивностью и пошлостью, которой полны всевозможные лингвистические курсы, все эти традиционные «Введения в языковедение» [...]. Впрочем в русской науке есть одно чрезвычайно важное явление, которое, однако, идет из философских кругов, и я не знаю еще, когда дойдет оно до сознания широкого круга языковедов. Это – феноменологическое учение Гуссерля и его школы» [6, с. 615].

В настоящее время феноменология «дошла до сознания» языковедов. «Лингвистика XXI в., – отмечает З. Я. Карманова, – с полным основанием может быть названа феноменологической лингвистикой или “лингвистикой внутренних форм”, сферу интересов которой составляют: глубинные пласты “языкового” пространства слова...» [2, с. 231]. См. также: [3], [7], [10], [11]. Круг сторонников феноменологической лингвистики ширится и, думается, будет шириться по мере того, как ученые осознают перспективы и пользу феноменологического учения для языкознания.

1.2. Важно, что феноменология ставит основной своей задачей описание опыта познающего сознания. В отличие от дискурсивной практики, опыт –

серия жизненных ситуаций, разрешаемых в чью-либо пользу. В «опытах быстротекущей жизни» (А. С. Пушкин) человек не носитель и не потребитель, а пользователь – пользуется словом как величайшим даром, пользуется доверием слушателей и авторитетом.

Опыт антикоммуникативен – не передается, а перенимается. Кроме способности рассуждать («дискурсивовать»), человек обладает уникальным даром подражания. Он импульсивно подражает всему, что оказывает на него влияние, принимая его за образец. Принцип подражания (мимесис) известен как ведущий принцип искусства. В языке перенимание – это цитация и аналогия. Вопрос «На что похоже?» задают себе поэты. (*Руки милой – пара лебедей...* С. Есенин). Феноменологии восприятия, не пользуясь метафорой, ориентируется на аналогию – инструмент недискурсивного познания реальности.

Доминирующий опыт человека – опыт познания. Как ни парадоксально звучит, однако этот опыт не имеет никакого отношения к знанию. Желание знать удовлетворяется, а жажда познания утоляется. Утоляя жажду познания, человек утоляет жажду власти. Знания имеют, а познаниями в какой-то области обладают. Когда речь идет о знании человека, знание заведомо таит в себе некоторое высокомерие («Знаю я тебя»). Однако из того, что кто-то кого-то знает, не следует, что он с ним знаком. Человека познают, знакомясь с ним. Познание неисчерпаемо. «*Я сегодня не такой, как вчера...*» (песен.), т.е. нужно познавать меня, знакомясь со мной «сегодняшним».

Знания существуют в форме понятий. «Я понял», и вопрос закрыт. Однако наши близкие всегда есть для нас «открытый вопрос». «Стремление типизировать поведение человека и тем самым его понять, – пишет Ева Анчел, – представляет собой не что иное, как цивилизованную жестокость, грубость, и в своей утонченности оно по-новому жестоко» [1, с. 65].

Желание знать удаляет человека от логоса (мысли) – лишает его роскоши думать. Это похоже на парадокс. Путь к мышлению лежит через незнание. «Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше мы знаем, тем меньше мы думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся» [4, с. 12]. Со времен Сократа известно, что мудреца делает философом – то, что он знает, что ничего не знает.

Вопрос «что делать?» по отношению к «думать» – грамматически правильный. Однако думающий ничего не делает. Человек в состоянии или не в состоянии думать. В этом состоянии человек наедине с собой: *думаю себе, сам себе подумал* и др. Мышление есть первичное агрегатное состояние еще невоплощенного, т.е. неовеществленного, логоса. Аналогия мысли – пар. Можно «воспарить мыслью». «Не парься» (простореч.) – «не думай». Невоплощенная мысль недоступна другому человеку. Чужая душа (сознание) – потемки. (Если только кто-то не обладает даром телепатии).

1.3. Мысль обретает плоть – воплощается в звуке, озвучивается. Воплотить – значит овеществить то, что вещью не является, т.е. мысль. Обретая

вещественный (озвученный) статус, мысль становится доступной восприятию на слух. Аналогию данному агрегатному состоянию логоса составляет жидкость. Звуки «льются», слова – «струящийся поток»: *И водопадом звуки льются вновь* (А. Морозов, Альманах «Венец поэзии»), *Слова лились друг за другом, словно ручей* (О. Тойе, «Буря скроет наши следы»), *Слова лились потоком, который остановить было нельзя* (А. Редько, «Он и она»).

В озвученном состоянии логос присутствует в общении. Нередко общение путают с коммуникацией. Однако «говорить» не значит «разговаривать». Беседующие (говорящие) не участники разговора и не партнеры по коммуникации. Они – напарники. Модель общения – танец, где есть пара (ведущий и ведомый). Коммуникация – деятельность по глаголу *сказать*. В разговоре возникает ассоциация с груженной вагонеткой, которую гоняют вперед и назад. Отсюда простореч.: «*Что ты гонишь?*». «*Что-то я не догоняю...*» и т.п.

Говорят слова, а произносят речи. Речь по определению связная. Ее части соединены между собой тематически, по смыслу и структуре. *Скажаў, як звязаў* (бел. поговорка). Субъект речи «вяжет» и «связывает». Разговор можно «завязать»: – *А куда мы едем?* – *решила завязать разговор девушка* (Н. Василевская, «Осенние поиски»). Разговор – жанр (форма) устной речи, отличающийся специфическим (разговорным) стилем. Говорение распознается по своей манере и такту.

Говорящий не «вяжет», а «плетет». Аналогия говорению – занятие по глаголу *плести*. Кто-то говорит, и язык у него «заплетается»; «плетение словес» – известная манера говорения. В общении слова не соединяются с другими словами, а сближаются вплотную – «сплачиваются». Одно слово цепляется за другое – и так «слово за слово». Зацепка – повод. Говорение – поведение, а не деятельность. Как и мыслью, человек поступает словом. В беседе различается ведущий (говорящий) и ведомый (слушающий). Общение – опыт инициации (испытания). Для говорящего испытанием становится само присутствие другого – его взгляд.

«Разговаривать на языке» не значит «говорить на нем». Беседа лишена формы (жанра). Для нее характерен формат: *говорить наедине* («с глазу на глаз»), *говорить публично* и др. В живом слове выявляется аутентичность (неподражаемость) говорящих. Звук не существует сам по себе – без человеческого уха. Не только белорусы в Беларуси говорят «по-белорусски», но и все реалии. По-белорусски поют соловьи, кудахтают куры, гогочут гуси и т.д. А для поляка куры «гдакаюць» (*gdakać*), гуси «гэгаюць» (*gęgać*) и т.п.

Разговор предполагает тему: *Разговор на эту тему портит нервную систему...* (песен.). *Завязать разговор на нужную ему тему* (В. Топилин, «Тайна озера Кучум»). Для говорения нужна мотивация – какой-то импульс, этический позыв: *Что в кого болит, тот о том и говорит* (посл.). Как и поведение, слово мотивировано характером говорящего. Для мотива бесе-

ды подходит, например, прецедентная строчка: «Я другой такой страны не знаю...» (беседа со студентами на патриотическую тему).

В общении обнаруживается несказанное – допредикативный опыт говорящих. Негоцианты не играют ролей и не надевают маски («личины»), однако у каждого есть свой, известный другим статус. Он осознается в ранговых параметрах «верх-низ», «над-под». Статус – не главенство, а верховенство (*взять над кем верх*). Отношения подчинения в общении, как и в поведении, уступают место послушанию.

1.4. Опыт познания есть опыт знакомства; рус. *Приятно с вами познакомиться* по-польски звучит: *Milo mnie poznać Pana (Pani)*. Опыт познания не тождественен дискурсивной практике – анализу. Чтобы исполнить завет древних *Nosce te ipsum* («Познай самого себя»), нет нужды идти в поликлинику и сдавать анализы. Говорящий не передает информацию, т.е. не сообщает, а знакомит присутствующих с чем-либо, посвящает их в сущность референта. Непосвященные (незнакомленные) – профаны.

Опыт познания присутствует в чтении. С текстом знакомятся. Текст – третье (фиксированное) состояние логоса. Оно похоже на лед, по которому скользит наш взгляд и которое «растопливается» под ним, становясь доступным читателю.

Феноменальность текста, как и живого слова, бесспорна. Текст всегда есть «для кого» – бессмыслен без читателя. Интенциональный вектор «для кого» создает виртуальный (мысленный) и реальный (овеществленный) мир глазами человека. Рефлексивно посмотреть на мир глазами другого – дар, которым обладает только человек. Читая текст, мы знакомимся с авторским миром, его аутентичной рецепцией. Знаменательно, что в Древнем Риме автором называли полководца, который завоевывал для империи территории, расширял ее пределы. Аналогично автор текста расширяет пределы познания читателей. По сути, текст – это не то, что мы читаем, а то, чем читаем, – инструмент искусства, расширяющий горизонты нашего познания.

Чтение – состояние опыта. Находясь в состоянии чтения, читатель занят – всматривается, вдумывается, и для него становится доступным вложенный автором смысл. Самой сущностью сознания является «вкладывание» смысла. Читая текст, читатель вкладывает в него свой смысл, становясь соавтором читаемого текста. Сущность всего познается только в тандеме – совместном интенциональном опыте автора и читателя. Глаголы *читать* и *писать*, как и глагол *думать*, по сути, являются непереходными (или квазипереходными). Текст не предмет и не явление, а вещь, которая сама «вещает» (говорит) что-то для читателя.

Непризнание феноменологического статуса текста приводит к заблуждениям. Самое распространенное из них – считать, что текст что-то сообщает, т.е. является коммуникативной единицей. Однако, например, следующее уведомление имеет дискурсивную природу и текстом не является.

Уважаемый гражданин!

Сообщаем, что 27 февраля 2022 г. состоится республиканский референдум. Приглашаем Вас принять участие в голосовании с 8 до 20 часов на участке для голосования № 68, расположенным по адресу: ул. 28 июля, 43.

Номер телефона участковой комиссии: 52-34-41 .

Если у Вас не будет возможности прийти на участок для голосования... и т.д.

Участковая комиссия

Уведомление содержит знание. Гражданину «дают знать» о предстоящем событии. Однако информация – это сведения, а не вести. Избирателя уведомляют, а не оповещают, т.е. не ставят в известность. Информация делает его информированным, а не посвященным. Из того, что некто увидел и понял уведомление, не следует, что он с ним познакомился. Знакомятся с текстом, после прочтения которого читатель становится посвященным в его контент. Просмотр текста не дает видения («Смотрит в книгу, а видит фигу» – простореч.). В написанное нужно всматриваться. Только в таком режиме постигается его сущность.

1.5 Логос создает подлинный язык. М. Хайдеггер называет его «языком сущности». Это не язык в понимании Ф. де Соссюра («система знаков»), а, скорее, язык в версии академика И. П. Павлова («вторая сигнальная система»).

В языке сущности понятие правильности уступает место достоверности – правде. Правда не открывается, как истина, а творится. Чтобы убедиться в чем-нибудь, субъект речи обращается за подтверждением: *Правильно? Да? Так?* Говорящий не пользуется «обращенной речью» (дискурсом), а апеллирует (зывает) к другому: *Жизнь – не игра. Правда, N?* И *N*. признает или не признает его правду. Признание – область уверенности, а не убежденности.

Выводы. Недискурсивность – характеристика творческого познания мира. Феноменология «выносит за скобки» существующее («данное») и поворачивается к творческому опыту сознания. Это поворот к основному инструменту словесного искусства – звучащему устно или зафиксированному письменно слову. Творчество начинается с ответа на вопрос «Что для меня...?» («Что для меня жизнь?», «Что для меня свобода?» и т.д.). Ответ на этот вопрос осуществляется в трех агрегатных состояниях логоса – по глаголам 1) *думать-гадать*, 2) *говорить-слушать*, 3) *писать-читать*.

Библиографический список

1. Анчел, Е. Этос и история: [пер. с венг.] / Е. Анчел; предисл. М. А. Хевеши. М.: Мысль, 1988. 128 с.

2. Карманова, З. Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова / З.Я. Карманова. Калуга: Эйдос, 2014. 258 с.

3. Карманова, З.Я. Феноменология слова: слово vs мысль / З.Я. Карманова: М.: НВИ-Тезаурис, 2010. 390 с.

4. Кохан, В. Есть ли место философии в деятельности учителя / В. Кохан // Учитель наедине с собой / ред. М. Н. Кожевникова. СПб.: Лем, 2014. С. 10–16.
5. Кравченко, А. В. Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка / А.В. Кравченко // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2015. № 2. С. 54–62.
6. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос: [сб.] / А. Ф. Лосев; [вступ. ст. А. А. Тахо-Годи; послесл.: В. П. Троицкого, Л. А. Гогтишвили ; коммент. И. И. Маханькова], М.: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. 958 с.
7. Сенкевич, В. И. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка / В.И. Сенкевич. Седльце: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2020. 369 с.
8. Сенкевич, В. Феноменология и реальное языкознание / В. Сенкевич // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Синтаксис текста. Текст в синтаксисе. Лингвистический анализ в Бермудском треугольнике: Комбинаторика – Семантика – Прагматика. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2018. С. 211–229.
9. Эрн, В. Борьба за Логос. Г. Скворода. Жизнь и учение В. Эрн. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 592 с.
10. Siankevich, V. Логос и дискурс в свете феноменологии / V Siankevich // Современный русский язык – проблемы и перспективы. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. С. 15–31.
11. Suchanek, L. О пользе феноменологии в эмигрантологических исследованиях / L. Suchanek // Acta Polono-Ruthenica. 2020. Т. XXV. S. 11–20.

УДК 811'111

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ю.С. Старостина

г. Самара, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме выявления аксиологического базиса диалогической коллаборации на материале англоязычного драматургического дискурса. Автором вводится и обосновывается понятие коммуникативного аксиологического пересечения в дуальной вариации аксиологической общности и аксиологического противоречия как когнитивных феноменов, детерминирующих развитие речевого взаимодействия и межличностных отношений коммуникантов. Идентифицируется специфика вербальной репрезентации общности и противоречия ценностных систем говорящих в диалоге, а также иллюстрируется корреляция между типом взаимодействия индивидуально-личностных ценностных доминант и дискурсивным оформлением коммуникативных интеракций.